

ЭЙЛИН РЕЙ

СЛЕЗЫ ЭРИИ

Фантастика

ММСО

Annotation

Алесса. Странница, потерявшая семью и дом, оказавшаяся в Гехейне – чужом и чуждом ей мире, где могущество людей держится на жалких остатках Силы мертвых богов.

Эспер. Тамиру, проклятый волк, пожертвовавший свободой ради спасения Странницы и связавший себя с ней кровными узами. За его душой множество тайн, каждая из которых скрывает в себе опасность.

Потерянная и Проклятый, им предстоит изменить этот мир ради спасения собственных душ.

Но что станет с этим миром, когда волки выйдут из Чащи, Призраки вновь смогут смотреть на солнце, а Тени обретут плоть?

Ведьмы знают ответ, но они не помогают чужакам.

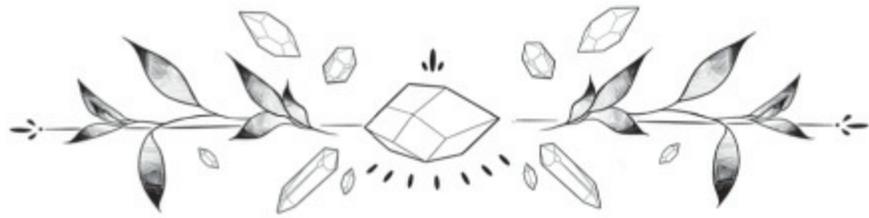
Эйлин Рей

Слезы Эри

© Эйлин Рей, 2024

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

* * *

Посвящается тем, чьи сердца бьются в унисон с сердцами наших маленьких четверногих братьев и согревают их своей любовью. Тем, кто борется за их хрупкие души и помогает бороться другим

Остерегайся зверя, вышедшего из чащи. Ибо иссушит он твою кровь, поглотит душу и под похищенным ликом придет за твоими детьми.

Спящее море

На памяти людей корабли еще никогда не отходили от берегов Дархэльма так далеко.

Покуда хватало глаз, вокруг темнобрюхой каравеллы простирались лишь лазурные воды уснувшего моря. Безмятежная морская гладь, кое-где подернутая легкими пенными барашками, отражала белоснежные перья облаков, медленно тающих в лучах восходящего солнца. Тихие всплески волн окутывали судно, переплетались с шелестом ветра, запутавшегося в парусине, и сливались в умиротворяющей песне.

В первые дни плавания «Ксантия» гудела от возбужденного веселья и суматохи: спокойные воды некогда безумного моря удивляли, радовали, приводили в восторг. Но чем дальше каравелла уходила от родной земли, тем тише звучали на борту голоса – пока вовсе не сошли до редких шепотков, доносящихся из последних кают. Еще никогда brave моряки, пережившие не одно сражение с Беспокойным морем, не теряли Дархэльм из виду так надолго.

Тревога нарастала с каждым новым рассветом – гнула спины мужчин в ожидании неведомой опасности, прокладывая глубокие морщины на покрасневших от солнца хмурых лбах. Страх перед ленивым, казалось, обманчиво безмятежным шелестом волн пустил глубокие корни, опутавшие судно от носа до кормы удушающей сетью. Сердца моряков едва бились в предчувствии рокового часа, когда смертоносные воды очнутся ото сна, вскипят, вздыбятся черными волнами и сомкнутся тисками над каравеллой, перемалывая судно в мелкие щепки.

Отрывистая команда капитана прорезала напряженную тишину, с треском прокатившись по палубе, как оброненное пушечное ядро, и заставила матросов вздрогнуть.

Неподвижным остался лишь Сказочник, в задумчивости застывший у фальшборта. Ранние солнечные лучи путались в его русых волосах, искрились на позолоте обода, венчавшего лоб, отражались в таких же золотых глазах – на судне не было нужды прятать их цвет за стремительно угасающей магией Слез.

В Дархэльме златоглазых лиирит не любили. Не за зло, которого они никогда

не причиняли, а за тайны, которые они соткали вокруг своего рода, облачаясь в них, словно в доспехи. Обычных людей это страшило, и свое невежество они стремились скрыть за выдумкой – самой мрачной и пугающей, на которую только способна человеческая фантазия.

Но на каравелле никому не было дела до лиирит. Никто не шептался за спиной, не смотрел с подозрением, не рисовал в воздухе обережных знаков за спиной Сказочника.

Моряки с «Ксантии» слагали о лиирит иные истории – захватывающие, удивительно пылкие, до абсурдности героические: на них в своей молодости вдохновил команду капитан, сейчас вновь вставший у штурвала.

Капитан никогда не прятал своих глаз. Молва о нем тихими опасливыми шепотками пронизывала весь Дархэ́льм, проникала в теплые дома сквозь щели в окнах, оседала у желтоватого пламени свечей, при которых люди слагали и повторяли невообразимые истории о первом и единственном лиирит, вошедшем в императорское окружение. Теперь же толки о нем зазвучат громче. Люди будут гадать, что заставило графа бросить все свои богатства, заколотить окна замка у подножия Пика и спустя многие годы забыть о болезненной потере и вновь вывести «Ксантию» в море.

Сказочник намеревался узнать его историю первым.

Он потянулся, захрустев ноющими от возраста позвонками: парящие возле плеч протезы, заменяющие давно потерянные руки, страдальчески заскрипели – морской воздух не шел им на пользу.

У входа в капитанскую каюту он заметил девушку: сидя на связанных сетью ящиках, она увлеченно чертила в блокноте. Ее хрупкие плечи накрывал синий плащ, и Сказочник с удивлением признал в ткани ведьмовской шелк, но ему еще не доводилось видеть, чтобы эрчин так сильно истрепался. Обломок карандаша медленно скользил по рыхлой желтоватой бумаге – девушка не отвела от него сосредоточенного взгляда, даже когда тень Сказочника заслонила солнце.

– Я помню тебя, – нерешительно произнес он. – Однажды ты попросила рассказать историю о волках на земле, где я не мог о них говорить. Ты все еще хочешь ее услышать?

Бледная рука замерла, не завершив извилистую линию, едва заметно вздрогнула от напряжения – и мягкий стержень карандаша беззвучно треснул, оставив темное пятно на листе и осыпав его серой крошкой.

– Я уже наслушалась историй, – голос девушки звучал слабо, будто каждое слово давалось ей с большим трудом.

Она смахнула грифельные обломки с листа и потерла пятно пальцем, размазывая его еще сильнее – рисунок был безнадежно испорчен. Сказочник не хотел досаждать и уже собирался уйти, но девушка заговорила вновь:

– Я больше не хочу слушать чужие истории, но могу рассказать свою.

Губы Сказочника растянулись в доброжелательной улыбке.

– И о чем же она будет?

– О мертвом городе, выгоревшем на картах, и его бессмертном страже. О проклятых, запертых в звериных шкурах, и тех, кто скрывался на дальних берегах. О живых безмолвных Болотах. О голодных Тенях, жадных до мучительных воспоминаний. О легендах, которые оставили ушедшие боги в памяти ведьм. О волках. Совсем немного – о драконах. И... – Девушка посмотрела на Сказочника, и от взгляда ее печальных глаз – зеленых с вкраплениями золота лиирит – по его спине пробежал холодок. – И о том, как уснуло море.

*213 год со дня Разлома
5-й день третьего звена*

Ночь за ночью я проваливалась в лабиринт, которому не было конца. Вокруг клубилась Тьма. Ее склизкие щупальца копошились у ног, слепые глаза пытались отыскать нечто неуловимое, и стальные когти изредка скрежетали о холодную гладь зеркал, поджидающих за очередным поворотом. Они всегда были разными: ютились в невзрачных деревянных рамах, изъеденных жуками, впечатляли изяществом, блеском золота и драгоценных камней или же, расколотые, пропускали сквозь трещины пробирающийся до костей колючий сквозняк. Как и сами зеркала, образы, отражающиеся на серебряной поверхности, никогда не повторялись. В одну ночь могла явиться дряхлая старуха, бредущая по улице, в другую – работяга, коротающий вечер в шумном кабаке, или маленькая девочка, играющая с куклой на заднем дворе покосившейся хижины.

Я чувствовала, что должна быть одним из этих зеркал – стоять неподвижно, покорно ожидая, когда острые когти вонзятся в стекло, раскалывая его и выворачивая все мое нутро. Но по какой-то причине я все еще оставалась собой – блуждала во тьме, противясь ледящему душу зову. В тихом, едва различимом шепоте я не слышала своего имени – лишь чувствовала, как нечто тянет меня во тьму, пока все внутри вопило: «Беги!»

И я бежала. Сталкивалась с зеркалами, с сотнями зеркал, билась о холодные стекла до тех пор, пока одно из них не давало трещину, – и тогда я просыпалась с громким криком.

После пробуждения я еще долго не могла прийти в себя: тело сотрясал озноб, сердце не унимало своего стремительного бега, на задворках сознания все еще ощущалось прикосновение морозных когтей, вырвавшееся из ночного кошмара. Лишь шелест дремлющего сада дарил мне успокоение.

И сегодня, как и в прошлые ночи, я вышла на порог – теплый ветерок ободряюще коснулся плеч – и села на верхнюю ступеньку. Бирюзовый кристалл в моей ладони излучал слабое сияние, разгоняя тьму.

Скрипнула калитка. Я накрыла Слезу Эрии рукой, пряча свет камня. Осколок протестующе мигнул, но, подчинившись моей воле, погас. Вокруг сгустилась ночь. Лишь за высокими стенами, окружавшими дом, вдоль всей улицы горели кристаллические фонари. словно солдаты, они выстроились по обочине дороги, отбрасывая на каменную

мостовую тусклый желтоватый свет, совершенно не сочетающийся с бирюзой кристаллов, скрытых под толщей их стекол.

Я узнала Шейна по твердой, уверенной походке прежде, чем он остановился передо мной. Высокий, с копной всклокоченных каштановых волос, прядь которых спадала на лоб. Рубашка расстегнута у горла: Шейн часто оттягивал ворот и тербил пуговицу, словно она душила его. На сгибе локтя висел черный плащ, легкий, но все-таки неуместный в это теплое время года.

Я раскрыла ладонь – Слеза Эрии в моей руке приветливо вспыхнула, выхватив из темноты лицо Шейна. Под светло-кариими глазами пролегли темные круги. Неровные тени упали на кожу, отчего шрамы стали казаться еще глубже: один тянулся от левого нижнего века к скуле, а второй – по правой стороне, от носа до уголка губ.

Шейн опустился на ступеньку рядом, накинув свой плащ мне на плечи. На груди блеснул темно-бирюзовый камень в сердце ворона, распростершего крылья на круглой подложке из синего велюра. Герб Элнора. Я задумчиво провела пальцами по вышивке.

Уже не первую ночь Шейн заставлял меня сидящую на пороге – бледную, как призрак, сливающуюся с белоснежной ночной сорочкой. Он молча садился рядом и оставался до тех пор, пока тревога после ночных кошмаров не покидала меня и я не возвращалась в комнату. Я была благодарна за эту поддержку – и за то, что с наступлением утра Шейн никогда не говорил о моей слабости.

– Снова лабиринт? – поинтересовался он тихо, словно боясь потревожить окутывавшую нас тишину.

– Мне кажется, что однажды я не найду из него выход, – пробормотала я, крепче сжав Слезу Эрии, отчего та неровно замигала, не понимая, погаснуть ли окончательно или озарить порог ярче.

– Ты же знаешь, я могу помочь, – в очередной раз напомнил Шейн после минутного молчания.

– Мне не нужна такая помощь, – ответ прозвучал слишком резко – мое сердце болезненно и виновато сжалось.

Шейн перехватил мое запястье, когда я вскочила на ноги. Я крепко сжала кулак, пряча шрамы, не прикрытые повязкой.

– Я сделал это, потому что должен был убедиться, что тебе можно доверять. Не влезь я в твою голову, ты бы не задержалась в этом доме ни на минуту.

Я глубоко вдохнула, стараясь выдержать его тяжелый взгляд. Я вовсе не желала становиться причиной его злости.

Мне отчаянно хотелось сорваться с места и скрыться в доме. Но вместо этого я настороженно замерла и хранила молчание. Наверное, Шейн заметил страх в моих глазах, потому что выпустил запястье и устался на ступеньку у себя под ногами.

– Тем более я уже расплатился за это разбитой головой, – он слабо усмехнулся.

Я привыкла к его шрамам, но один из них чаще всего приковывал мой взгляд: маленькая белая полоска над левой бровью, едва заметная в свете кристалла. Меня кольнул стыд при воспоминании о той ночи, когда я впервые попала в особняк омьенов – связанная, напуганная, сжавшаяся в комочек под тяжелыми взглядами сурового хозяина дома и его сына. Я была словно дикий зверек и, как только руки оказались свободны от веревок, сделала то, что, по моему мнению, могло даровать свободу, – схватила статуэтку и ударила парня, чье прикосновение вызывало боль в голове.

Но чем ближе я узнавала обитателей дома, тем хуже чувствовала себя, вспоминая слова, которые высказала им в первые дни, и поступки, которые совершила.

– Прости, – извинение далось с трудом, хоть и шло из самого сердца, однако казалось горьким и чужеродным.

– Иди спать, Алесса. – Шейн кивнул в сторону двери. – Надеюсь, ты найдешь выход из своих кошмаров.

Плащ я повесила на крючок у двери и, стараясь ступать бесшумно, поднялась на второй этаж. Но даже сейчас, когда перевалило далеко за полночь, дом не спал.

Дверь в кабинет Велизара Омьена была приоткрыта. Проходя мимо, я увидела лысую макушку хозяина дома, склонившегося над бумагами. Дрожащее в канделябре пламя вдыхало жизнь в тени, обитающие в комнате: они метались вокруг мужчины, принимая самые разнообразные, порой жуткие формы. Это выглядело одновременно пугающе и завораживающе.

Меня не переставало удивлять, что человек, посвятивший свою жизнь чарованию Слез Эрии, предпочитал работать при свечах, а не свете кристаллов.

Я тихо скользнула мимо кабинета и нырнула в свою комнату. Кристалл в моей руке выхватил из темноты уютное убранство спальни: пузатый комод на тонких резных ножках, широкую кровать и высокое зеркало, накрытое одеялом, – страх перед зеркалами я принесла с собой из родного мира задолго до того, как они стали частью ночных кошмаров.

Я положила кристалл на прикроватный столик рядом с фарфоровой чашкой, полной янтарной жидкости. Каждый вечер Элья оставляла ее у моей кровати на тот случай, если кошмары станут невыносимы. Первые дни в Гехейне снадобье спасало меня от душевной боли и бессонных ночей. Но как только наступало утро, я чувствовала себя так, словно пробуждалась после мимолетной смерти, потеряв часть чего-то важного.

«Ей не помогут ни мои настойки, ни руки Шейна: ранена ее душа, а не плоть, – вспомнила я возмущенное замечание Эльи, когда она в очередной раз готовила для меня отвар. – Девочке нужен целитель, а не я», – настаивала женщина.

«Я не могу показать ее ни одному из них, пока она так ярко источает ауру своего мира», – отрезал тогда господин Омьен, и больше служанка не поднимала эту тему.

Практически с первого же дня господин Омьен дал понять, что мне стоит держаться от людей подальше.

«Ты незаконный Странник, – сообщил он мне, когда я обрела способность спокойно слушать. – Ты человек, чье присутствие в Гехейне нарушает его границы и законы. На тебе лежит печать собственного дома, которую не стереть ни за дни, ни за месяцы. Ты сияешь иначе, чем жители этого мира. Попадись ты на глаза хоть одному более-менее опытному магу, узнай он, что у тебя нет разрешения... Коллегия спит и видит, как съесть меня живьем. А тут, спасибо моей дочери, у них появился такой чудесный повод! Им будет плевать, случайный ты Странник или нет, – они вывернут твой разум наизнанку, попытаюсь раскрыть в твоём появлении мой тайный замысел. Поэтому, Алесса, чтобы сохранить обе наши жизни, тебе стоит сидеть тихо и ждать».

После этого короткого, но содержательного разговора мой мир в мгновение ока сузился до нескольких комнат особняка и небольшого сада за ним.

Я скрылась от Гехейна и ждала того, кто был способен вернуть меня домой, – Хранителя Дверей артура Моорэта.

Остаток ночи я провела, беспокойно ворочаясь в постели, то и дело подскакивая, как только сон становился глубже и сквозь черную пелену дремы пробивались пугающие картинки.

На рассвете я вынырнула из очередного кошмара, словно из затянутых тиной вод, готовых в любой момент утащить обратно во тьму. Ночные страхи развеялись, стоило солнечному зайчику скользнуть по моей щеке – это был мой страж, один из сотни ярких огоньков, метавшихся по дощатому полу и темно-голубым обоям.

На утро после третьей ночи, проведенной в особняке, Шеонна принесла деревянную игрушку – четырехкрылую птицу с длинной вытянутой шеей, обклеенную сотней зеркальных осколков, – и повесила ее у окна.

– В Ксаафании верят, что пение тэмру отгоняет болотных духов и дурные видения, – дружелюбно сообщила девушка. – Я не могу изловить для тебя живую птицу, но надеюсь, что хотя бы ее образ отпугнет твои кошмары.

Теперь каждое утро я представляла, как солнечные зайчики, отражающиеся от крыльев птицы, проносятся по моей спальне и отлавливают темные пятнышки ночных кошмаров, не позволяя ускользнуть ни одной, даже самой крошечной, тени.

Прохладный ветерок, ворвавшийся в комнату через открытое окно, принес с собой озорной женский смех. На заднем дворе Шейн и Шеонна тренировались на деревянных рапирах.

– Шеонна, сосредоточься, – упрекнул сестру Шейн, а затем с едва сдерживаемым смехом возмутился: – Это нечестно!

Их голоса наполнили мое сердце теплом. В этот момент, утопая в подушках, наблюдая за трепетом яблони у окна и вслушиваясь в смех на улице, я чувствовала себя как никогда счастливой. На какой-то очень краткий миг я позволила себе поверить, что являюсь частью этой семьи и их мира. Я представила сестру и брата с лицами Шеонны и Шейна, а рядом с ними моих маму и папу.

Но реальность обрушилась на меня, словно камень, прижимая к земле и не позволяя воспарить даже в фантазиях: я была чужой в этом доме, а моих родителей вот уже десять лет не было рядом ни в этом мире, ни в том, из которого я пришла.

Соскользнув на пол, я потянулась, разминая затекшие мышцы, и прошла в ванную комнату. Она мало чем отличалась от той, что была в доме Терри, где я провела последние годы: широкая белоснежная ванна под узким окошком с цветастым витражным стеклом и круглый умывальник у противоположной стены. В этом особняке многое напоминало мне о родном доме и выглядело вполне обыденным – до тех пор пока взгляд не падал на бирюзовые кристаллы, инкрустированные в стены или парящие под потолком.

Бирюзовый осколок не крупнее ладони парил посреди комнаты, наполняя ее ярким дневным светом. Я легонько коснулась его пальцем – кристалл подпрыгнул, словно на пружине, взметнулся к потолку и плавно отплыл в противоположный угол.

Магия. Она правила жизнью в Гехейне.

Я умылась прохладной водой, заплела волосы в тугую косу, сменила ночную сорочку на легкое платье, ушитое с плеч Шеонны и оттого чуть свободное в груди, и вернулась в спальню. На комод, словно солдаты, ожидающие моего приказа, выстроились в ряд

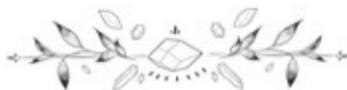
аккуратно свернутые ленты, которых с каждым днем становилось все больше. Сначала это были бинты и лоскутки простой ткани, но вскоре их место заняли льняные и шелковые отрезки, украшенные кружевом или вышивкой. Я выбрала две бежевые ленты с ботаническим узором и не сдержала теплой, но горькой улыбки.

С момента моего появления в Гехейне минуло почти три месяца. Все это время господин Омьен неустанно напоминал: вскоре я буду вынуждена покинуть этот мир и вернуться домой, в Сильм. И оттого внимание и материнское тепло, которыми окружила меня Элья, причиняли невыносимую боль.

В глубине сознания заскреблась мучительная мысль: мне не хочется возвращаться.

Я крепко сжала в руке ленты – словно якорь, удерживающий меня в этом мире.

Они предназначались для того, чтобы скрыть от чужих глаз мои руки: в центре ладоней бугрились старые шрамы. Истончившиеся по краям, они, будто паучьи лапки, тянулись к пальцам и запястьям, где переплетались со свежими отметинами. При взгляде на розовые полосы, обвивающие руки, я вздрогнула, словно вновь ощутила боль той ночи, когда тонкая веревка впилась в кожу. Но я не винила Шеонну в новых шрамах: все-таки я буквально свалилась ей на голову посреди молчаливого зимнего леса, окутанного ночью, напугав до полусмерти.

Я спустилась на первый этаж, пересекла столовую и направилась в подвал. Длинный коридор встретил меня теплым уютным светом кристаллов, инкрустированных в деревянные опоры через каждые пару шагов. По обе стороны тянулся ряд дверей, ведущих в подсобные помещения и комнату единственной служанки господина Омьена – Эльки. Коридор заканчивался арочным проемом – за ним находилась кухня. Там никого не оказалось.

При взгляде на поднос, накрытый салфеткой, у меня заурчал живот: свежее испеченные булочки источали пряный аромат корицы. Я позволила себе стянуть одну и жадно впилась зубами в мягкое сладкое тесто.

Дверь слева от проема вела на задний двор, и я вышла на улицу в надежде найти Элью в саду. Поднявшись по каменным ступенькам, я оказалась в прекрасном, живописном дворике. По обе стороны мощеной тропинки, тянущейся к задней калитке, благоухали диковинные цветы и кустарники.

Меж деревьев на небольшой вытоптанной полянке мелькала огненная шевелюра Шеонны, кружившей около брата. Они были так увлечены тренировкой, что не заметили моего появления.

Спокойное небо над головой потревожил тяжелый рокот двигателя. По саду заскользила тень – и воздушный корабль заслонил солнце. Каждый раз, когда я наблюдала за этим чудом техники, мне казалось, что по небу проплывает огромный кит. Он рассекал белоснежные комья облаков резным деревянным брюхом, и, подобно плавникам, у его боков трепетали белые паруса.

Провожая взглядом этого удивительного «небесного кита», я не услышала, как отворилась калитка в конце сада, и не сразу заметила Элью. Служанка несла широкую плетеную корзинку, доверху набитую свежими продуктами: ароматным сыром, теплым хлебом и бутылками парного молока. Элья замедлила шаг, когда путь ей преградила стайка

пузатых птиц.

Я поспешила на помощь, на ходу доедая булочку. Оказавшись рядом с Эльей, я ловко перепрыгнула через пушистого альма.

– Доброе утро! – поздоровалась я.

– Как спалось, милая? – улыбнулась в ответ Элья.

– Спокойнее, чем прежде, – соврала я, придав голосу уверенности.

Элья недоверчиво прищурилась – и вокруг изумрудных глаз образовалась сеточка тонких морщин. Избегая дальнейших вопросов, я вызвалась избавить женщину от груза корзинки. Когда ноша оказалась в моих руках, я едва не согнулась под ее весом.

Мы осторожно прокладывали путь по узкой тропинке, стараясь не наступить на альмов, которые, будто не замечая нашего присутствия, то и дело прыгали под ноги. Назвать этих существ птицами было довольно сложно: круглые, как теннисные мячики, тельца, белые с примесью изумрудного перья, маленькие кошачьи ушки на макушке. Желтый клюв терялся под большими черными глазами, а крохотные крылья, казалось, были неспособны поднять в воздух пузатые тела. Но каким-то чудом альмы все же забирались на самые высокие ветви и вили гнезда.

– Знай я, с какой скоростью плодятся эти птицы, никогда бы не принесла их в сад, – пожаловалась Элья. – Я-то думала: поселю парочку альмов, и они каждое утро будут радовать нас своими прекрасными песнями. Ох, Алесса, если бы ты слышала, как красиво они умеют петь! За такие голоса им можно простить даже их плодовитость. Но нет же, Шеонна совершенно испортила им слух, научив этой ужасной мелодии.

Я усмехнулась. Пели альмы действительно скверно. И к моей радости, в данную минуту их больше занимали жучки в земле, чем истязание наших ушей.

Когда мы подошли к дому, до нас донесся возмущенный возглас Шейна.

Шеонна, отбросив свое оружие, перешла к более действенным методам борьбы: прыгнула брату на спину и попыталась повалить его на землю, но и здесь ее постигла неудача. Склонившись над поверженной сестрой, Шейн звонко засмеялся и протянул руку в качестве примирительного жеста.

За все время, проведенное в доме Омьенов, мне редко доводилось слышать смех Шейна или хотя бы видеть его улыбку. Порой я вообще сомневалась, что он способен выражать хоть какие-то эмоции, кроме хмурой задумчивости. Но в такие моменты, как сейчас, я понимала: все улыбки Шейна принадлежали только его сестре.

Мы с Эльей спустились на кухню, где я с нескрываемым облегчением избавилась от тяжелой корзины.

– Ты голодна? – поинтересовалась служанка.

Я кивнула, но ответ Элье не требовался: она уже суетилась над завтраком. На сковороде зашкворчала яичница, рядом на плите засвистел чайник. Я наслаждалась уютной атмосферой, вспоминая, как Терри каждое утро готовила для меня завтрак. Он получался в разы хуже того, что готовила Элья, но тетя старалась изо всех сил.

Когда Элья сняла чайник, под ним блеснул бирюзовый кристалл, инкрустированный в каменную столешницу. Эти осколки испещряли весь дом, но особенно много их было

на кухне: у дальней стены обычный деревянный шкаф благодаря крупному камню в двери выполнял роль холодильника, сахар в чае беспрерывно помешивался шустрой ложкой, словно ею орудовала невидимая рука, а нож ловко нарезал хлеб – во все столовые приборы были вплавлены кристаллы размером не больше слезы. У дверей в посеребренной раме висело полотно из двенадцати цепей, на каждую из которых было нанизано по тридцать три крошечных осколка, один из них сиял, отмечая дату. Сегодня зачарованные Слезы Эрии озаряли в календаре пятый день третьего звена.

«Что такое Эрия?» – однажды спросила я служанку.

И в тот уже далекий для меня день я впервые услышала о народе ар'сэт, чья таинственная родина Клаэрия – крошечный безликий клочок суши на карте господина Омьена, отрезанный от Дархэльма Беспokoйным морем, – манила к себе отчаянных пиратов и искателей сокровищ.

Жизнь и культура ар'сэт всегда интересовали ученых мужей Дархэльма. Но все, что им дозволено было знать об ар'сэт, – это их вера в Эрию: великий монолит, которому загадочный народ поклонялся, словно божеству. Людей манила Сила, скрытая в камне, но все, что им удавалось заполучить, – это горсть осколков, которые монолит сбрасывал, будто старую чешую, а волны Беспokoйного моря прибывали к берегам материка.

Многие горячие головы пытались достичь Клаэрии – счастливиц через несколько недель волны выбрасывали на сушу, остальные, менее удачливые моряки, исчезали в Беспokoйном море, сраженные могучими водами или древними монстрами из глубин.

Полвека назад Вазилис, предыдущий император Дархэльма, пытался захватить остров. Безумный шаг стоил ему флота, так и не достигшего берегов Клаэрии и сгинувшего в безжалостных водах. Лишь два судна сумели вернуться домой, потрепанные и искалеченные – как напоминание о том, насколько жестоко Беспokoйное море.

Но даже это поражение не остановило императора. Одержимый Эрией и той Силой, которую мог даровать монолит, Вазилис упорно стремился им завладеть. Он губил корабли, словно избалованный мальчишка, не жалеющий своих игрушек. Люди гибли в свирепых водах, едва покидая берег, или расставались с жизнью еще на причале, отказываясь подниматься на борт корабля. На многие годы Беспokoйное море окрасилось в алый.

Но находились и те, кто отправлялся в плавание по собственной воле. Нескольким морякам, чьи имена теперь воспевают барды, однажды удалось достичь Клаэрии, и эти смельчаки, точнее те из них, кто выжил, озолотились на безумии императора.

Лишь после смерти Вазилиса люди перестали проливать кровь в ненасытных морских водах, и в Дархэльме воцарился мир. А благодаря поддержке нынешнего императора Крайоса столичные ученые нашли новый источник энергии – эфир.

Для Лаарэна и севера новая энергия стала спасением: какую бы Силу в себе ни хранили Слезы Эрии, эти кристаллы были совершенно бесполезны без человека, способного пробудить их магию и заключить в них свою.

– Доброе утро! – голос Шеонны вырвал меня из воспоминаний.

Возникнув за спиной, подруга заключила меня в крепкие объятия.

– Если ты непустишь, этот день начнется с потери моего сознания, – пропищала я, пытаюсь выбраться из удушающего плена.

Шеонна ослабила хватку и заботливо пригладила мои растрепавшиеся волосы.

Благодаря веселому нраву она оживляла любое место, где появлялась, заражая всех хорошим настроением. В ее внешности ничто не намекало на ту опасность, что таилась

в этой девушке: ни огненные локоны, игриво подпрыгивающие при каждом движении, ни озорные искры, сияющие в ее светло-карих глазах. Но я на собственной шкуре испытала, какая сила пряталась за всем этим. И не скрывала своего восхищения.

Шеонна была на голову выше меня и всего на год старше – недавно ей исполнилось девятнадцать, – но в ее присутствии я ощущала себя беспомощным и слабым ребенком.

– Элья, что у нас на завтрак? Пахнет очень вкусно!

Подруга упала на соседний стул; и не успела я опомниться, как моя тарелка перекечевала на ее половину стола.

– Шеонна! – недовольно всплеснула руками Элья.

Та в ответ одарила служанку невинной улыбкой и застучала вилкой по тарелке.

– Все в порядке, – отозвалась я, лукаво улыбнувшись. – У меня полно свободного времени, чтобы наесться, а Шеонне предстоит трудный учебный день. Ей нужны силы.

Шеонна показала мне язык и демонстративно отправила в рот очередную порцию моего завтрака. Я усмехнулась и потянулась к подносу с выпечкой, который Элья водрузила на стол. Но и тут меня постигла неудача: ароматная булочка выскользнула из руки, оставив на пальцах липкий слой крема с корицей.

– Шейн! – возмутилась я.

– Мне тоже нужны силы перед рабочим днем. – Он отстраненно пожал плечами, надкусывая булочку.

Я недовольно фыркнула и, вцепившись в края подноса, подвинула его ближе, попутно хлопнув по протянутой руке Шеонны.

– Так, сию же минуту сядьте и поешьте как полагается! – вмешалась Элья.

Передо мной появилась новая тарелка с яичницей.

– Прости, Элья, но я опаздываю, – ответил Шейн и строго бросил сестре: – И ты тоже.

Шеонна начала было возмущаться, но суровый взгляд Шейна тут же положил конец ее причитаниям.

Насупившись, Шеонна быстро расправилась с завтраком и вышла в коридор, помахав мне на прощание.

В кухне воцарилась тишина, которую неожиданно нарушил резкий и тяжелый стук в дверь. Мы с Эльей удивленно переглянулись: гости никогда не прибывали через эту часть дома. Я соскочила со стула и, выставив его перед собой, крепко вцепилась в спинку – в таком положении я чувствовала себя более защищенной. Элья храбро направилась к двери и решительно распахнула ее. На пороге никого не оказалось.

Внезапно раздался шелест, будто кто-то быстро перелистывал книжные страницы, и в комнату влетел крохотный свиток, перевязанный сиреневой лентой. Помахивая атласными крылышками, он закружил по кухне. Когда свиток пролетал над моей головой, я подпрыгнула, вытянув руку, но заколдованная вещица ловко увернулась.

Элья тихо засмеялась, наблюдая за моими неудачными попытками поймать верткое письмо. Свиток сделал еще один издевательский круг над моей головой, слегка задев волосы, после чего опустился прямо в раскрытую ладонь служанки.

– Он дается в руки только тому, кому адресован, – пояснила женщина. – А если ты все же исхитришься и поймаешь его, то письмо сгорит прежде, чем будет расколота печать.

Элья сломала восковую печать, в которой мерцали крупинцы Слез Эрии, спрятала ее в карман юбки и потянула за шелковую ленту, раскрывая записку.

– Сегодня на ужине будет гость, – сообщила служанка, пробежав взглядом ровные

строчки, выведенные витиеватым почерком, – и тебе позволено присутствовать.

Сердце екнуло одновременно от радости и от внезапно нахлынувшей тревоги.

Неужели ожидание подошло к концу и этим самым гостем будет Хранитель Дверей?

Шеонна вернулась домой незадолго до прибытия гостя. От моего взгляда не ускользнули толстый слой грязи на ботинках, которые она забросила в дальний угол прихожей, и надорванный подол длинной юбки. Я догадалась, что этот день подруга провела не в стенах Академии. Как и в ту ночь, когда она нашла меня, Шеонна вновь выбиралась за пределы города, наслаждаясь свободой, которую дарил ей лес.

Она едва успела привести себя в порядок и спуститься в холл, как дверная ручка повернулась. Я встречала гостя в темно-зеленом платье с атласным поясом, таким же легким и белоснежным, как повязки на руках. Но я чувствовала себя слишком неудобно в одежде, которую Шеонна носила лет в четырнадцать и давно переросла и которая на мне, невысокой и худой, сидела впору.

Когда вошедший снял шляпу, я не сдержала радостной улыбки, но одновременно ощутила и легкий укол досады. Гостем оказался не Артур Моорэт, но я уже была знакома с этим человеком. Из-под шляпы показались седые волосы, которые легкой паутинкой струились по вискам, плавно переходя на скулы и обрамляя краснощекое лицо мужчины. Густая борода графа Эридира делала его похожим на одуванчик.

Мужчина учтиво передал Элье свою шляпу и протянул нам с Шеонной узловатые руки.

– Милые дамы, вы как всегда прекрасны! – искренне произнес мужчина.

Граф был единственным, кто, помимо семьи Омьен, знал обо мне. Господин Омьен пригласил его на следующее утро после того, как я появилась на пороге его дома. Тогда я еще не владела собой: умудрилась навредить Шейну, в истерике осыпала всех домочадцев несдержанными оскорблениями. Но больше всего неприятных слов досталось Тенлеру Эридиру. Он снисходительно пропустил всё мимо ушей, понимая, как трудно мне принять его слова о перемещении между мирами на веру и смириться со своей участью. Магия? Другой мир? Происходящее было похоже на очень злой розыгрыш.

Следом за графом вошли сам хозяин дома и его сын. Шейн даже не удостоил нас взгляда и, протиснувшись между мужчинами, молча направился в столовую. Элья подбадривающе погладила его по плечу, когда парень проходил мимо.

Вскоре мы расселись по своим местам. Граф расположился рядом со мной.

Разговор, завязавшийся между мужчинами еще за порогом дома, не прекращался до самого десерта.

– ...Мы ничего не можем сделать с этим, – сокрушенно покачал головой Тенлер Эридир. Мне показалось, что от этого движения волосы на его голове разлетятся, будто пух одуванчика. – Вина Маркуса Лэнна доказана.

– Доказана, – тихо повторил Шейн, сквозь сжатые зубы. – Вся вина Лэнна заключается в том, что он оказался не в том месте и не в то время.

– И не под той юбкой, – тихо добавила Шеонна, усмехнувшись.

Шейн недовольно покосился на сестру, но ничего не ответил.

– Маркус знал, с кем связывается. Я надеюсь, тебе хватит благоразумия не лезть в это

дело, мальчик мой. Лэнн тебе не друг, и ты ему ничем не обязан.

Шейн сжал челюсти, сдерживая рвущиеся наружу слова. Граф Эридир поспешил сменить тему.

Элья незаметно сновала между собравшимися, меняя тарелки. Тема новой беседы оказалась куда менее напряженной. Прислушиваясь к обсуждению, Шеонна то и дело пыталась вставить свое слово, за что отец награждал ее строгим взглядом, которого та упорно не замечала. Для меня же разговор оставался белым шумом: я ничего не смыслила в отношениях между членами Научной Магической Коллегии или правящими домами Эллора.

Но внезапно обрывок фразы заставил меня вслушаться в беседу.

– Артур Моорэт вернулся? – шепотом спросила я у Шеонны.

Но мой вопрос достиг чуткого слуха графа, и он обворожительно улыбнулся.

– Буквально сегодня утром прибыл из Фенра, – подтвердил он. – Местная знать не дает ему прохода, желая узнать, какие диковины он принес из нового мира на этот раз. По этому случаю завтра Артур устраивает званый ужин. И ты тоже приглашена.

Месяцы ожидания подошли к концу. Сердце бешено заколотилось. Но я не могла понять, была ли это радость перед грядущим возвращением к Терри или страх перед расставанием с моим новым домом и его обитателями. Я убрала руки под стол, стараясь не выдать дрожь.

– Но самое главное – ты наконец сможешь покинуть дом, ничего не опасаясь. – Черные усы господина Омьена, плавно переходящие в аккуратно подстриженную бороду, дрогнули от легкой улыбки. – Посмотришь на наш город и замок, хоть узнаешь, где мы с Шеонной пропадем каждый день. Кстати, дочь моя, как твои дела в Академии?

Ложка замерла у губ Шеонны. Подруга рассеянно улыбнулась, но быстро совладала с собой.

– Прекрасно, – коротко ответила она.

– Как твои успехи в руноведении? Как политология? – с нажимом продолжил он.

– Все хорошо, – продолжала свою ложь Шеонна. – Мистер Хорст говорит, что я схватываю всё на лету.

– О да, я слышал об этом, – кивнул господин Омьен. – Я понимаю, что руноведение трудно тебе дается, я и сам в твои годы не мог справиться с этим предметом, но в политологии ты очень способна. Многие великие люди пробивали себе путь шантажом и давлением, и ты ничуть не уступаешь в этом членам Коллегии.

– Что... – Шеонна потеряла все самообладание.

Холодный взгляд господина Омьена уперся в Шеонну. Мужчина нарочито медленно поставил бокал на стол. Его руки, все в мелких шрамах от ран и химических ожогов, напряглись. Шеонна умоляюще смотрела на собравшихся, но никто не мог прийти на помощь.

– Кстати, необязательно было давить на Хорста и копаться в его грязном белье, – отстраненно заметил Шейн, пригубив вина. – Старик был готов скрывать твое отсутствие по доброй воле, лишь бы ты еще дольше не объявлялась в его академическом крыле.

– Шейн! Ты влез в его голову? – прошипела Шеонна.

Она бросила возмущенный взгляд на отца, словно это не ее проделки стали причиной его недовольства, а вопиющее поведение Шейна. Но лицо господина Омьена оставалось таким же непроницаемо холодным.

– Ты не имел никакого права! – зарычала Шеонна на брата.

– Я имею полное право использовать свои Силы и полученную информацию как мне угодно, – пожал плечами Шейн.

Шеонна крепко сжала кулаки, костяшки пальцев побелели.

– Вот он, истинный Черный Пес Коллегии, – произнесла она, вложив в эти слова всю злость.

Шейн предупредительно воззрился на сестру; от меня не укрылось, как напряглись его пальцы, придерживающие стоявший возле тарелки бокал.

Никто не говорил об этом прямо, но из мимолетных разговоров домочадцев я знала, что оба ребенка господина Омьена были приемными. И каждый раз, когда семья собиралась вместе, я находила все больше различий в их внешности. Пухлые губы и круглое личико Шеонны сильно контрастировали с волевыми и резкими чертами господина Омьена. Шейн, в свою очередь, тоже разительно отличался от отца, но невольно перенял его острый взгляд и манеру хмурить брови. Ему едва исполнилось двадцать два, он был высок и крепко сложен и уже умел внушить страх одним своим видом, под стать старшему Омьену.

Неожиданно белоснежная салфетка рядом со мной вспыхнула ярким пламенем. И прежде, чем огонь набрал силу, а я успела испугаться, вовремя подоспевшая Элья опрокинула на салфетку воду из графина.

– Шеонна, хватит! – раскатистый бас господина Омьена пронесся по столовой.

В комнате воцарилась гнетущая тишина, все взгляды обратились к главе дома, и в каждом читался страх. Даже граф ссутулился и вжал голову в плечи, будто стараясь стать меньше.

– Отец, он... – начала было Шеонна, но умолкла под тяжелым взглядом.

– Он сделал то, что я ему велел, – отрезал господин Омьен.

– Но... Ему дали эти Силы, чтобы он использовал их против преступников, а не против близких людей!

– Порой мне кажется, что главный и единственный преступник в этом городе – моя дочь, – от его ледяного тона стыла кровь в жилах.

– К чему мне вообще посещать эту дурацкую Академию? – вспыхнула Шеонна. – Чему меня научат? Только и делают, что заставляют зубрить мертвые руны, значения которых Коллегия сама не понимает. Или безрезультатно пытаются научить заговаривать Слезы. Храни тебя Ольм! Отец, когда ты признаешь, что я не способна использовать магию?!

– Ты способна, – холодно возразил господин Омьен и мрачно добавил: – И не смей поминать мертвых богов за этим столом.

– Нет, не способна. – Шеонна хлопнула рукой по столу. – Это проклятие, а не магия, и никто не может научить меня управлять... этим.

Шеонна раздраженно махнула в сторону Эльки, держащей в руках наполовину обугленную салфетку. И будто в подтверждение ее слов маленький огонек вновь занялся на остатках кружевной ткани. Служанка бесстрастно опустила салфетку в графин с водой.

– Выйди и успокой свои мысли, – строго произнес господин Омьен, кивнув в сторону двери. – И после возвращайся обратно. Этот разговор мы продолжим позже.

Последние слова он произнес уже мягче, но в них все еще звучала сталь. Шеонна молча встала и, не разжимая кулаков, покинула столовую. Шейн поднялся со своего места следом за сестрой, но отец жестом велел ему остаться. Парень угрюмо опустился на стул.

– Ох уж эти детки! Вся в мать! – усмехнулся граф Эридир, пытаясь разрядить обстановку, но тут же поперхнулся, поймав на себе взгляд господина Омьена, и попытался

сменить тему: – Кстати, до меня давеча дошли слухи, что на ужин к Артуру приглашен Фельдер-сновидец, поэтому я не пожалел пары золотых на листья рейруда из самых глубин Ксаафании! Элья, дорогая, думаю, ты лучше меня знаешь, как их заваривать.

Элья осторожно приняла небольшой сверток, словно в нем находилась самая хрупкая в мире вещь, и принялась.

– Я рада, что ты внял моим советам, Тенлер, и в этот раз тебя не облапошили, как деревенского дурака, – усмехнулась служанка. Граф Эридир, будто не заметив этой вопиющей фамильярности в свой адрес, ответил широкой улыбкой.

Шеонна вернулась в столовую как раз к тому моменту, как Элья разлила по чашкам жидкость сливового цвета. От напитка исходили сладкие ароматы цитрусовых и вишни, в чашках плавало несколько цветочных лепестков.

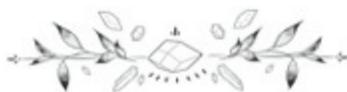
Заметив мое замешательство, граф Эридир пояснил:

– Раньше рейруд рос по всей территории Гехейна, и каждый мог испытать чая из его листьев. Правильно заваренный отвар, употребленный перед сном, позволял видеть вещи сны. И те, кто мог их понять, становились поистине великими. Но ксаафанийским ведьмам претила мысль, что какие-то людишки пытаются сравняться с ними в *Знании*, и они наслали хворь на это чудесное растение. Теперь рейруд можно найти лишь на некоторых островках Ксаафании, и стоят его листья практически как жеребенок.

– Чушь все это, – вмешался в разговор Шейн, и граф смерил его добродушной улыбкой, словно ребенка, которому простительно чего-то не знать в силу своих малых лет. – Если бы это действительно работало, то наша знать бы уже закладывала свои состояния, лишь бы получить эти чайники. А так это всего-навсего развлечение на пару вечеров.

– Ты невнимателен к моим словам, Шейн, – парировал граф. – Чтобы знать будущее, недостаточно видеть сны – их нужно уметь читать. А это доступно не каждому, такой дар не получают в подарок от Коллегии – с ним рождаются. Да и листья рейруда нужно правильно заваривать, и, к счастью, у нас есть ксаафанийка, знающая в этом толк. – Граф отсалютовал Элье и залпом выпил свой чай.

Его примеру последовали все остальные, даже Шейн, не верящий, что рейруд способен открыть людям их судьбы. Я прильнула губами к чашке и ощутила горький вкус, который никак не сочетался со сладким ароматом лепестков, плавающих на поверхности. Я скривилась, но осушила отвар до дна.

Граф Эридир покинул дом далеко за полночь.

Я зашла в спальню, и Слеза Эрии на прикроватном столике приветливо вспыхнула. По меркам всего дома комната была крошечной, но мне она казалась необъятной. Желтоватый свет от кристалла, будто жидкое золото, стекал на пол и на темно-синее одеяло, застилавшее двуспальную кровать, к которой я до сих пор не могла привыкнуть, – на ней было слишком много свободного места. Мне хватало маленького диванчика в доме Терри, лежа на котором я могла упереться спиной в стену, забиться в угол и почувствовать себя хоть немного защищенной.

В этой комнате все будоражило мои многочисленные страхи: темные углы, куда не доставал свет кристалла в лампе, горевшей всю ночь, или пустое пространство

под высокой кроватью, откуда веяло холодом. Я могла уберечься лишь от одной пугающей меня вещи – зеркала, стоявшего возле шкафа. Накинутое на него тяжелое одеяло не позволяло видеть игры теней на серебряной поверхности.

Сейчас я как никогда ощущала себя слабой и никому не нужной. Забравшись под тяжелое одеяло, я обхватили себя руками, пытаюсь унять дрожь, и не заметила, как погрузилась в сон.

Я знала, что это был сон. В реальном мире, каким бы волшебным он ни был, снег не бывает таким ослепительно белым – и уж тем более теплым. Я шагала по земле, мои босые ступни утопали в мягкой снежной пелене, но стоило оглянуться – и мне не удавалось отыскать собственных следов. Неподалеку журчал, извиваясь, тонкий темный ручей, и я медленно двигалась по его течению.

Внезапно меня пробрал необъяснимый животный страх. Я резко остановилась, увидев крупного волка.

Я не заметила, как оказалась на расстоянии вытянутой руки от зверя, и не понимала, как не разглядела его черную шкуру среди этой бесконечной белизны.

Волк, не замечая моего присутствия, жадно лакал воду из ручья.

Я попятилась, и снег скрипнул под ногой, сделавшись обжигающе ледяным и плотным. Зверь дернул ушами и повернул массивную голову в мою сторону. Его глаза излучали призрачное бирюзовое свечение, от которого перехватывало дыхание.

Волк не нападал, но его взгляд пугал сильнее острых, как лезвие, клыков.

Неосторожный шаг – и моя нога соскользнула в ручей. Вода показалась горячей и слишком вязкой. Я опустила взгляд и, к своему ужасу, обнаружила, что стою по колено в алой жидкости, от которой исходят неприятные металлические пары.

Кровь.

Из груди вырвался истошный крик. В ту же секунду под ногами разверзлась пропасть – и я с головой рухнула в реку.

Мальчик, который любил ее ложь

*200 год со дня Разлома
10-й день шестого звена*

Мальчик сидел на краю деревянного настила и не сводил взгляда с темной полосы горизонта – там, где океан леса обрывался голубыми водами Беспокойного моря. У подножия горы бушевал ветер. Старые сосны стонали под его неистовым напором. Здесь же, на вершине, царило безмолвие, и высокая трава колыхалась, лишь когда мальчик задевал ее босыми пятками.

Женщина села рядом, накрыв плечи ребенка тяжелым вязаным пледом. Едва уловимым движением она смахнула каштановую прядь со лба мальчика и невольно вздрогнула: его кожа была холоднее горного снега.

– Почему она плачет, мама? Ей больно?

Сердце женщины болезненно сжалось.

Изумрудные глаза сына наполнились мудростью и древним Знанием, непомерным для пятилетнего ребенка. Способный без труда отличить вымысел от истины, он давно не нуждался в сказках матери, но все еще просил о них каждую ночь – ради нее.

Мальчик опустил взгляд на бирюзовый осколок, тревожно мерцавший в его ладонях. Ведьма взяла кристалл и, нахмурившись, с минуту вглядывалась в неровное сияние: Слезам было не место в этих горах. Одно легкое слово, тише шепота и мысли, – и камень обратился в мерцающую пыль. Дуновение, сорвавшееся с губ женщины, унесло бирюзовое облачко в небо, туда, где сияние пыли смешалось со светом звезд.

– Ей не больно, родной, – ласково произнесла женщина и обняла сына за плечи, стараясь не замечать обжигающий холод его тела, пробирающий сквозь плед. – Она скорбит.

Ведьма лгала.

Конечно, Эрии было больно, она стонала в агонии уже сотни лет, но женщина не испытывала к ней жалости. Знал ли ее сын об этом? Знал. Но он всегда позволял ей

лгать – как сейчас, так и в те минуты, когда женщина тешила его и себя мыслями о счастливом будущем. Хотя оба знали: этому будущему не суждено наступить.

Ее ложь была для мальчика той самой сказкой, которая скрашивала его вечера и успокаивала перед наступлением ночи, наполненной кошмарами.

– Потому что ее предали?

– Потому что она поверила, – поправила его мать.

Женщина устремила взгляд к горизонту, который медленно поглощала ночь. Даже с этих вершин она не могла увидеть чуждые земли Клаэрии, окутанные зеленью исполинских дубов. Но ведьма чувствовала их ежесекундно и всем своим естеством противилась существованию этого острова.

– Когда-то давно, много сотен лет назад, в этом мире правили Ольм и Эрия, – тихо заговорила она. – Они были мудры и справедливы. Они любили друг друга больше жизни и порой даже больше собственных детей – людей и ар’сэт. Но сердце Эрии, как и ее душа, было изменчиво.

Однажды из погибающего мира в Гехейн прибыли новые люди, которые привели с собой собственного бога. Будучи великодушными, Ольм и Эрия приняли чужой народ и их отца – Гестафа. Вскоре Гестаф очаровал Эрию, любовь к нему поглотила ее, и ради этого чувства она совершила непростительный поступок. Эрия похитила Силу своего мужа и вместе со своей собственной преподнесла Гестафу как дар их будущему союзу и правлению. Но Гестаф предал Эрию.

Он обратил ее в камень, заточив вместе с ней и великую Силу, которую мог черпать, когда того пожелает. Наступили темные времена: старая магия и письмена, подаренные Ольмом своим детям, утратили Силу, а ткань мира истончилась настолько, что Гехейн наполнился невиданными существами, многие из которых были столь же злы и жестоки, как и Гестаф. И он с жадностью правил этим темным миром, погрязшим в безумии...

Мальчик обмяк в руках ведьмы, провалившись в беспокойный сон. Женщина не успела поведать ему о той, которая отдала свою жизнь, чтобы подарить миру второй шанс, о той, по ком Эрия проливает слезы и о чьем прощении молит по сей день.

Ведьма подняла мальчика – он был легче перышка – и бросила строгий взгляд во тьму, окутавшую сад.

– Ее Слезам не место на Болотах, – холодно произнесла женщина и с сожалением добавила: – Как и тебе.

С этими словами она скрылась в деревянной лачуге.

Скрежет заглушил мой испуганный крик: альм, сидевший на распахнутом окне, пытался взять высокую ноту, подражая пению Шеонны.

Я натянула одеяло на голову. Давно следовало выкорчевать из оконной рамы Слезу, которая каждое утро распахивала створки, впуская в спальню свежий воздух и «пение» птиц. Альм не заметил моего внезапного исчезновения, или его вовсе не смутило отсутствие слушателей. Он не замолкал. И я перешла к более действенным методам и кинула в него подушку. Я намеревалась попасть в стену под окном и тем самым напугать птицу, заставить ее улететь, но не рассчитала силы – и подушка вылетела в окно. Альм недовольно дернул ухом, не прерывая отвратительного скрежета, который он считал сладостной трелью.

– Ты издеваешься? – застонала я. – У вас вообще есть инстинкт самосохранения?

Я подошла к окну – альм вежливо подвинулся, уступая место, – и нашла взглядом подушку: она угодила в густой куст ежевики. Накинув старую кофту Шеонны, я вышла из спальни, оставив птицу скрежетать в пустой комнате.

Дом все еще спал, погруженный в тишину.

Я ненадолго задержалась в галерее второго этажа. Просторный холл внизу заливал призрачный утренний свет: он пробивался сквозь зашторенные окна, разливаясь по серому полу серебристыми лужицами. Спустившись на первый этаж, я выскользнула из пушистых тапочек – холодный кафель тут же обжег ступни, отчего по телу пробежала легкая дрожь. Это помогло избавиться от ощущения нереальности происходящего и еще раз убедиться, что я смогла вырваться из цепких лап сна. Я неловко покружилась на месте – и в тонких лучиках света заплясали потревоженные мной пылинки.

Скоро мне предстояло покинуть Гехейн и вернуться в Сильм, поэтому я пыталась запомнить каждую минуту, проведенную в этом мире. И самое главное – я хотела бы вспоминать этот дом именно таким: тихим, уютным и душевным даже в хмурое раннее утро.

Позже я спустилась в подвал и через кухню вышла в сад. По пути заглянула через приоткрытую дверь в спальню Эли, но ее кровать пустовала – разноцветные подушки были аккуратно сложены поверх гладко заправленного покрывала.

Чтобы выудить подушку из колючих ветвей ежевики, пришлось повозиться. Когда с этим было покончено и я уже собиралась вернуться в дом, мое внимание привлекло какое-то движение под кустом. Испугавшись, что в ноги вцепится невиданный зверь, я замерла. Но ничего не произошло. Немного осмелев и выставив перед собой подушку, будто щит,

я опустила на колени и всмотрелась в переплетение ветвей. Из-под куста на меня смотрели широко распахнутые зеленые глаза, сиявшие на рыжей кошачьей морде.

– Кис-кис, – позвала, протянув руку.

Кот не отреагировал. Я еще раз позвала его, но безрезультатно.

– Что ты там делаешь?

Вопрос Эльи застал меня врасплох, и я испуганно вскочила на ноги, зацепившись волосами за тернистые ветви ежевики. От неожиданной боли я чуть не повалилась наземь, но служанка вовремя подхватила меня под руку.

– Там была кошка, – рассеянно пробормотала я.

В изумрудных глазах Эльи вспыхнуло изумление. Служанка недоверчиво опустила на колени и заглянула под куст. По всей видимости, ничего не обнаружив, она поднялась и тяжело вздохнула.

– У нас нет кошек, Алесса, – снисходительно ответила Элья.

– Может, у вас они называются иначе? Это такие звери... – я начала объяснять, но Элья оборвала меня на полуслове.

– Я знаю, как они выглядят. – Она мягко улыбнулась. – Но в домах Эллора уже многие годы не мурлычат кошки. А в лесах не воют волки.

Я изумленно открыла рот, но не успела задать свой вопрос, как Элья уже перевела тему. Она подняла с земли подушку, которую я обронила при ее появлении, и, отряхнув, вопросительно изогнула бровь.

– Выпала из окна, – объяснила я, невинно пожав плечами.

– Выпала? – усмехнулась женщина.

– Птица мешала мне спать, – сдалась я, недовольно ковырнув траву носком тапочка и тут же запачкав его сырой землей.

С губ Эльи сорвался короткий смешок.

– Идем пить чай.

– Почему у вас нет домашних животных? – спросила я, когда Элья разлила ароматный напиток по чашкам и присела рядом.

– Все из-за тамиру.

Элья опустила взгляд к своей нетронутой чашке и с грустью поведала:

– Было время, когда ткань Гехейна трещала по швам и таких случайных Странников, как ты, угодивших в брешь меж мирами, было несметное количество. Кто-то нашел обратную дорогу, кто-то не может сыскать ее и по сей день, а кто-то и не пытается, обретя в Дархэльме новый дом. Именно так среди нас и оказались лиирит и тамиру. Но, в отличие от златоглазых проныр, тамиру стали изгоями. Многие века назад кто-то из волков разгневал ксаафанийских ведьм, и они обрушили свое проклятие на весь народ. Тамиру оказались заперты в звериных шкурах, не в силах сбросить их и вновь пройти по земле на двух ногах. Долгие годы они скрывались в городах, спали в людских домах, свернувшись у огня в кошачьих обличьях, или волками рыли норы в лесах, ночами воя на луну. Но ведьмам это не понравилось: тамиру не усвоили их урок. И тогда они разожгли искру страха и ненависти в человеческих сердцах, которая быстро вспыхнула смертоносным пожаром – люди обернулись против тамиру,

в страхе истребляя всех зверей, кто казался им смышеннее курицы, пока не загнали остатки *волчьего* народа в самое сердце Чащи.

Я затаила дыхание.

Элья была удивительной рассказчицей – ее мягкий голос пленял, в каждом слове крылась тайна, а Гехейн, мир, в котором я оказалась, открывался для меня с новой стороны. Я не раз слышала о ведьмах, лиирит или ар'сэт, но впервые ко мне пришло осознание, что эти народы столь же реальны, как и эта человеческая женщина, сидящая рядом со мной. Наверное, рассказы об их могуществе должны были вызывать во мне страх, но я ощущала лишь детский восторг перед неизведанным.

– Почему они так поступили? Неужели тамиру так опасны? – не сдержала я любопытства.

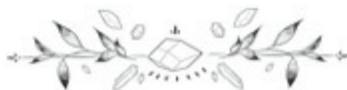
Элья пожала плечами и сделала глоток чая.

– Не думаю, что ведьм волнует чья-то безопасность. Бездонные отнимают тела у отцов и матерей, проливающих слезы над могилами детей, а кракты уничтожают целые стада, лишая деревни пропитания. И ведьмам нет до этого никакого дела. И не будет, пока Теням и паукам хватает ума держаться подальше от Ксаафанийских болот.

Повисла пауза. Мне хотелось подробнее узнать, кто такие Бездонные и кракты, услышать больше о Ксаафанийских островах, откуда была родом сама Элья. Может, она даже встречала ведьм? Но, увидев хмурое лицо служанки и ее опущенные плечи, я не решилась допытываться ее расспросами и попыталась придумать другую, более непринужденную тему.

Внезапно одна из двенадцати Слез Эрии на запястье Эльки озарилась теплым светом, сообщая о наступлении нового часа. Служанка легонько тряхнула рукой, заставляя погаснуть крохотный неограниченный кристаллик.

– Господин Омьен скоро проснется, – сообщила она. – Пора привести тебя в порядок, сегодня важный день.

Поначалу день ничем не отличался от уже минувших: господин Омьен заперся в своем кабинете, Шейн пропал в городе, Элья работала в саду, а Шеонна развлекала меня рассказами о своих злоключениях и карточными играми.

Но с приближением вечера домом овладела суэта, а мною – страх и тоска.

По словам господина Омьена, Артур Моорэт был единственным человеком на юге Дархэльма, в чьих силах открыть Двери в чужой мир. Но я не знала, чего ожидать от Хранителя. Каким способом он вернет меня домой? Будет это больно или опасно? И самое главное: как скоро это произойдет – есть ли у меня еще время, или это случится уже сегодня?

– Не стоит так волноваться, милая, – добродушно улыбнулась Элья, заплетая мои густые волосы в тугую косу.

– Я не волнуюсь, – соврала я, но голос предательски дрогнул.

– Ты трясешься как лист на ветру.

Элья ласково коснулась моих плеч и развернула к себе лицом.

– Тебе не стоит волноваться – и уж тем более чего-то бояться. Господин Омьен не даст тебя в обиду и обязательно поможет вернуться домой.

Женщина заботливо пригладила мои волосы и коснулась губами лба. Это был настолько искренний жест, наполненный материнским теплом, что на глаза невольно навернулись слезы. Я поспешила опустить голову, слабо кивнув в ответ. К счастью, Элья не заметила моих влажных глаз, потому что в комнату, словно порыв осеннего ветра, ворвалась Шеонна.

– Нашла! – воскликнула она, размахивая над головой перчатками. – Надеюсь, они подойдут.

Я с благодарностью приняла их и натянула поверх повязок – так они не будут привлекать лишнее внимание. Белое кружево прекрасно дополнило наряд: платье из светло-серого бархата до колен с высоким воротом и пришитой к плечам легкой сиреневой накидкой.

Из моего гармоничного образа выбивалась лишь одна деталь – красный кристалл на шее, окутанный серебряной паутинкой оправы. Это все, что осталось у меня в память о родителях, и я никогда не расставалась с этой вещью.

Я посмотрела через зеркало на Шеонну, возникшую за спиной. Она перехватила мой взгляд в отражении и ободряюще улыбнулась. У нас было мало общего, но все же кое-что роднило: мы обе познали утрату в раннем детстве и наша память о близких заключалась в материальных вещах. Взгляд опустился к запястью Шеонны, где зеленый шелк рукава собрался в складки, а под ними выделялась кожаная нить, продетая через небольшую монету. Шеонна тоже никогда не расставалась с ней: иногда монета висела на ее шее, а иногда, как сейчас, пряталась на руке.

– Что это? – однажды спросила я подругу, воспользовавшись ее разговорчивым настроением.

– Монета, – ответила она с лукавой усмешкой. – Элья рассказывала, что нашла ее в складках моих пеленок, когда мама вернулась из Коэты. Монета – все, что у меня осталось на память о ней. И в некотором роде это даже символично. Шейн говорит, что я часто играю на нервах Саит и мне будет чем откупиться, если богиня смерти не выдержит и придет за мной.

Шеонна шутила, но в ее глазах затаилась глубокая печаль. Я не осмелилась продолжить этот разговор. Каждый в этом доме пережил личную трагедию, и, задавая кому-то очередной вопрос, я боялась случайно причинить боль.

Но сегодня ничто не омрачало взгляда Шеонны.

– Ну что, ты готова познакомиться с Артуром Моорэтом? – подмигнула мне подруга.

Я в нерешительности застыла перед калиткой. Мне казалось, если пересечь эту черту, я стану совершенно беззащитна. Но в то же время меня тянуло на городские улицы, хотелось увидеть Эллора, его жителей и чудеса, скрытые от меня каменной стеной. Шеонна подхватила меня под руку и помогла преодолеть страх. Вместе мы шагнули к ожидающему нас экипажу, поразившему меня с первого взгляда: карета не была запряжена.

Это определенно была карета – такая, какой ее описывают сказочники. Пузатая кабина изумрудного цвета, украшенная золотой резьбой. На дверце красовался герб Эллора и всей южной части Дархэльма – черный ворон с распростертыми крыльями, в груди которого сиял бирюзовый кристалл. На облучке сидел кучер в таком же изумрудном костюме, но вместо поводьев в руках он сжимал тонкие рычажки.

Карета имела нечто общее с машинами из моего мира и все же разительно отличалась от них.

– Эта технология взята из моего мира? – спросила я, не зная, к кому точно обратиться.

– Нет, позаимствована из Коэты. Ее жители не столь научно подкованы, как может показаться, но тем не менее они нашли способ получать чистую энергию, – ответил кучер. Я узнала шелестящий голос графа Эридира.

Мужчина приветливо улыбнулся, спускаясь к нам.

– Электричество? – не поняла я.

– Эфир, – заговорщицки прошептал граф, склонившись ближе.

– Тенлер!

Господин Омьен крепко пожал графу руку и с любопытством окинул карету взглядом. Последним из дома вышел Шейн.

– Снова играешь на нервах Коллегии? Место этой бесовской вещицы по ту сторону Разлома, – господин Омьен передразнил чей-то скрипучий голос и лукаво усмехнулся.

Граф Эридир хрипло рассмеялся в густую бороду:

– Сегодня Коллегия будет говорить не только о подвигах Артура. К слову об Артуре! – Мужчина порылся во внутреннем кармане пиджака и извлек маленький желтоватый свиток, перевязанный бордовой лентой. Вместо печати его скрепляла крошечная Слеза Эрии. – Это для тебя, Алесса.

Я не раздумывая приняла подарок, но он тут же выскользнул из моих пальцев и завис над раскрытой ладонью. Не успела я удивиться странному поведению зачарованной вещицы, как свиток развернулся, вспыхнул белым пламенем и в считанные секунды сгинул в сердце маленького кристалла, еще недавно служившего печатью. Впитав магию свитка, сияющая Слеза рухнула в мою ладонь – будто кто-то оборвал нить, удерживавшую осколок в воздухе. Руку от кончиков пальцев до плеча пронзила острая боль, и, вскрикнув, я испуганно отбросила кристалл в траву. Он тут же погас, сделавшись почти бесцветным.

– Забавно, никогда не видел, как это работает... – пробормотал граф Эридир, смотря в ту точку, где только что исчез сверток.

– Что это было? – дрогнувшим голосом спросила я, рассматривая свою правую ладонь. Под белым кружевом перчатки слабо мерцал витиеватый символ, испещренный рунами.

– Это разрешение на пребывание в Гехейне, – пояснил господин Омьен и добавил: – Теперь ни один маг не посмеет оспорить твое пребывание здесь, но, если кто-то начнет задавать вопросы, не отвечай на них.

От его слов пробрала дрожь. Мое пребывание в этом мире и в этом доме могло стоить всем нам очень дорого.

Пора было выдвигаться. Старшие мужчины заняли место на облучке кареты, а мы с Шеонной и Шейном расположились внутри.

– Надеюсь, эта штука не развалится по пути? – усмехнулся господин Омьен.

Граф звонко рассмеялся и совершенно серьезно ответил:

– Не могу быть уверен, я впервые ей управляю.

Пальцы Шеонны впелись в подлокотники кожаного сиденья.

За время поездки никто не проронил ни слова, даже вечно болтливая Шеонна. Я пыталась наслаждаться видами вечернего Эллора, проплывающего мимо окна, но отвлекала неутрахающая боль в руке. Правую ладонь жгло огнем, и яркая печать пульсировала в такт моему сердцебиению. Я в очередной раз потеряла руку, пытаюсь унять

неприятные ощущения.

Внезапно Шейн взял меня за запястье, его пальцы опасно приблизились к ладони. Я испугалась и попыталась вырваться. Страшно было представить, что кто-то коснется моих шрамов даже через плотную ткань повязок и перчатки.

– Не дергайся.

Хватка Шейна оказалась стальной. Его ладонь замерла в нескольких сантиметрах над моей. Пальцы начало покалывать, а затем от них по руке растекся приятный холодок, унимая жар и боль.

Шейн отпустил мою руку.

– Спасибо, – рассеянно поблагодарила я.

Шейн лишь кивнул в ответ и вновь уставился в окно, словно ничего не произошло. Шеонна широко улыбнулась, когда наши взгляды пересеклись.

Печать на руке мерцала еще несколько минут, но, когда мы подъехали к дому, ее свет уже погас.

Дом Артура Моорэта располагался недалеко от центральной площади Эллора. Со всего города прибывали экипажи, высаживая у широко распахнутых ворот пассажиров в вечерних нарядах. В саду перед домом уже собралась пестрая, пышущая богатством толпа.

Необычный экипаж графа обогнул длинную вереницу запряженных карет и въехал во двор. Стража, чинно стоявшая по обе стороны от ворот, никак не отреагировала. Мы вышли из экипажа и направились к входу. Толпа недовольно зароптала, многие останавливались, осуждающе качая головой. Все взгляды были устремлены к карете: гости не удивлялись этому чуду техники – их беспокоило лишь его присутствие в Эллоре.

– Зря Артур потакает твоему старческому слабоумию, – недовольно пробормотал господин Омьен. – Однажды тебя постигнет его участь.

Граф ничего не ответил на это замечание, лишь усмехнулся, пригладил седую бороду и окинул взглядом собравшихся, словно набедокуривший подросток, гордившийся результатами своей выходки.

– Почему они так реагируют? – поинтересовалась я у мужчин.

– Потому что эта конструкция – симбиоз магии и эфира, – пояснил Шейн, идущий позади нас. – Место этой штуковине на севере, в Лаарэне, но не в наших краях. Люди боятся подобных изобретений.

– Людям пора бороться со своими страхами, – вмешался в разговор граф Эридир, и его голос был необычайно тверд и серьезен. – Мир не стоит на месте, он развивается с каждым днем. Если бы не эти дурные страхи, Дархэльм стал бы уже самой могущественной империей во всех известных нам мирах.

– Страх людей не беспочвенен, – в голосе Шейна зазвенели ледяные нотки. – Разлом все еще жив в людской памяти, а мертвый Джарэм будет им вечным напоминанием о том, как опасны подобные технологии.

Граф остановился так резко, что я невольно отпрянула, наткнувшись спиной на Шейна и наступив ему на ногу. Тот аккуратно придержал меня за плечи и отстранил, словно табурет, преградивший путь.

– Джарэм уничтожили не технологии, как считает Юг, и не магия, как убежден Север! – Тенлер Эридир прожег Шейна разъяренным взглядом – таким видеть графа мне еще не доводилось. – Его уничтожили вещи гораздо сложнее и опаснее, мальчик.

Шейн выдержал взгляд графа с невозмутимым спокойствием. Гости, проходившие мимо, с любопытством оглядывались и замедляли шаг.

– Что за небывалое чудо техники в моем дворе! Инженеры Коэты ни за что бы не догадались использовать эфир, чтобы заменить лошадей. С подобным изобретением городские улицы станут гораздо чище!

Звонкий веселый голос донесся с крыльца. На пороге вырос высокий худощавый мужчина с закрученными черными усами.

– Зато их инженеры догадались использовать эфир для полета к звездам, – усмехнулся кто-то из толпы.

– Верно, – худощавый мужчина отсалютовал бокалом в сторону говорившего. – Однажды и мы поднимемся выше облаков – тогда поглядим, в чьем мире звезд больше!

По толпе пробежал довольный ропот, с дальнего конца двора раздался одобрителный свист.

– Но! – мужчина поднял указательный палец. – Я считаю, что чужие миры гораздо интереснее, чем мертвые камни, парящие в небе. И если вы разделяете мое мнение, прошу, проходите, сегодня я порадую вас диковинками из Фенра!

Воодушевленные гости ускорили шаг и потянулись в дом. Пожимая мужчинам руки и учтиво кланяясь женщинам, хозяин спустился с крыльца и направился к нам, распахнув объятия.

– Тенлер, снова наводишь переполох в моем доме? Так ты точно от старости не умрешь!

Мужчины крепко обнялись. Хозяин обменялся рукопожатиями с господином Омьеном и приблизился ко мне. В нос ударил резкий запах ментола с примесью чего-то приторно-сладкого.

– А это и есть та самая *моя* гостья? – он с усмешкой выделил слово «моя».

– Алесса, – представилась я, неуверенно улыбнувшись.

– Ах, где же мои манеры! – спохватился мужчина. – Артур Моорэт. Я очень рад с тобой познакомиться. Итак, гости дорогие, давайте же поторопимся.

Стоило пересечь порог особняка, как меня оглушило разнообразие звуков: игра оркестра, звон бокалов, смех женщин и голоса спорящих мужчин. Артур провел нас сквозь толпу в конец зала, где возле высокого арочного окна за столиком сидела женщина, облаченная в сверкающее блестками кремовое платье. Ее русые волосы были уложены в высокую прическу, украшенную драгоценными камнями.

– Офелия Моорэт, моя жена, – представил Артур женщину и тихо добавил, склонившись к супруге: – А это Алесса – милое дитя, о котором я тебе рассказывал.

Офелия приветливо улыбнулась, но ее улыбка показалась натянутой, будто любое проявление эмоций причиняло женщине боль.

– О, а вот и вы!

Артур подал руку подошедшей девушке, и она изящно коснулась пальцами его раскрытой ладони. За девушкой, словно тень, следовал юноша. Среди гостей, облаченных в строгие костюмы, он отличался небрежной простотой своего наряда: воздушное черное хаори с широкими рукавами, наброшенное поверх льняной белой рубашки, черные зауженные брюки и шлепанцы на босу ногу. Юноша будто намеренно пытался выделиться из толпы,

показать, что он не принадлежит этому месту. Но в то же время шелковая ткань его одеяния, тэмру, вышитый золотом на накидке, и браслеты с драгоценными камнями, звенящие на руках, кричали о недостатке.

– Позвольте вас познакомить, – обратился Артур ко мне. – Моя дочь Лукреция и гость нашего дома арий Эрвор. А это Алесса, моя гостья из Сильма.

Лукреция была красива. Она унаследовала от матери все лучшее: точеную фигуру, которую подчеркивало черное обтягивающее платье, мягкие черты лица, золотистые волосы и голубые глаза. Вот только правый глаз Лукреции скрывался за черной кружевной повязкой, из-под которой возле переносицы выглядывал тонкий шрам. Но даже этот недостаток не портил девушку, а придавал ее внешности утонченность.

– Когда все разойдутся, я познакомлю тебя со своими сыновьями, – продолжал Артур. – Вряд ли сейчас я отыщу их в этой толпе среди изобилия прекрасных девушек. Предлагаю тебе тоже не скучать. Развлекайся, а после мы обсудим твою... кхм... проблему.

К столику подошли двое гостей. Они вежливо поклонились Офелии – женщина ответила им слабым кивком – и обратились к Артуру и господину Омьену. Между мужчинами завязался разговор о делах Академии, и они отошли в сторону. Граф Эридир пошел за ними.

– Шейн, я бы хотела с тобой поговорить, – подала голос Лукреция.

Я оглянулась и с сожалением обнаружила, что осталась одна среди незнакомцев: Шеонна исчезла сразу, как мы вошли в дом, Шейн скрылся в толпе под руку с Лукрецией, а господин Омьен и Тенлер Эридир погрузились в увлеченную беседу с коллегами.

Внезапно передо мной остановился один из гостей – пухлый мужчина с маленькими карими глазками, скрывающимися за толстыми линзами очков. Он с минуту пристально разглядывал меня, отчего я почувствовала себя неловко, будто была каким-то занимательным экспонатом на выставке дикувинок. Я огляделась по сторонам, но не нашла ни единого знакомого лица, за которое можно было уцепиться. Внезапно мужчина схватил меня за запястье и вывернул руку ладонью вверх. Я тихо пискнула от резкой боли и испуга. Ладонь обожгло, казалось, она горит изнутри и сейчас кружевная перчатка вспыхнет ярким пламенем, но под ней лишь слабо засветилась печать. Мужчина подозрительно прищурился.

– Как тебя зовут? – с нескрываемым недовольством спросил он.

– Отпустите! – рыкнула я, сдерживая дрожь в голосе.

Незнакомец слишком сильно сжимал мое запястье – я почти чувствовала, как трещат мои косточки под его мясистыми пальцами. Я готова была оттолкнуть мужчину, но неожиданно чья-то легкая ладонь опустилась поверх моего сжатого кулака и рядом раздался мелодичный тихий голос.

– Что-то стряслось, граф Роу? – поинтересовалась Офелия.

Женщина приобняла меня – я почувствовала дрожь в ее изящной руке, и вес ее тела обрушился мне на плечи.

– Не знал, что в Эллор прибыл Странник, – растерянно пробормотал мужчина: он явно чувствовал себя неловко в присутствии супруги Артура.

– У моего мужа часто бывают гости – иначе как же еще ему изучать жизнь в других мирах? И он не обязан ставить вас в известность о каждом, кого приводит в наш дом. Если вы забыли, Коллегия дала на это свое согласие.

Во время разговора на губах Офелии играла миролюбивая улыбка, но в голосе чувствовались острые иголки льда.

– Да, конечно. – Граф Роу с виноватым видом попятился. – Простите за беспокойство.

И тут же исчез в толпе.

Офелия заботливо провела рукой по моим волосам.

– Думаю, лучше тебе сегодня как можно меньше мелькать перед глазами членов Коллегии. Может, подождешь завершения встречи в библиотеке? – Вопрос, слетевший с уст женщины, не требовал никакого ответа, кроме беспрекословного подчинения. – Только прежде окажи мне любезность.

Я помогла Офелии снова занять ее место. И только сейчас я заметила, что по обе стороны ее стула располагались два колеса, а в подлокотник были инкрустированы три бирюзовых Слезы Эрии. Офелия расположилась на мягкой подушке и указала мне в сторону широкой лестницы.

– Прямо и налево. Думаю, ты найдешь там много интересного. Я велю, чтобы тебе принесли закуски.

Я послушно кивнула.

Пробраться к лестнице оказалось непросто. Толпа, собравшаяся в центре зала, тесным кольцом обступила огромную клетку, казалось, вырезанную из хрусталя, в которой томилась удивительной красоты птица – лазурные перья едва заметно мерцали, длинный черный клюв зарылся под крыло, а на макушке подрагивал пушистый хохолок. Я задержалась, залюбовавшись диковинным существом, но, поймав на себе ее взгляд, с трудом сглотнула подступивший к горлу комок. Что-то неправильное было в ее взгляде, что-то слишком осмысленное и осуждающее. Пристальный взгляд черных глаз заставлял чувствовать вину. Вину за то, что я стояла рядом с клеткой, за то, что была частью галдящей восторженной толпы, за то, что была беспомощной перед этим обществом и не могла отпереть хрустальный замок.

Меня пробрал озноб.

Внезапно из толпы выскочил ребенок. Заливаясь восторженным смехом, он нырнул рукой в клетку, поймал птицу за длинный хвост и выдернул лазурное перо. Птица вскрикнула и сжалась в тугий комок, а украденное перо в одно мгновение обуглилось в пухлых детских пальцах. Мальчик тут же залился слезами. Какая-то женщина, весело посмеиваясь, попыталась отвлечь его и унять обиженный крик. Но никто из зрителей даже не подумал о том, чтобы отчитать ребенка за жестокость. Гости словно не заметили ни вырванного пера, ни страха в глазах птицы.

Почувствовав горечь на языке, я поспешила к лестнице. Я не могла помочь этому несчастному созданию, не могла спасти, но могла уберечь саму себя от боли и чувства стыда.

Чем дальше уводил меня коридор второго этажа, тем тише звучали голоса гостей и мягче становился свет, излучаемый Слезами Эрии. Дом Артура Моорэта напоминал музей: на стенах висели засушенные образцы растений и насекомых в стеклянных рамках, необычайные маски и картины, иногда и вовсе встречалась кухонная утварь или длинные полки, заваленные разноцветными склянками, – каждая вещь имела собственную табличку с кратким описанием, указанием мира, из которого была привезена, датой и именем члена четы Моорэт, раздобывшего диковинку. В нишах встречались более габаритные трофеи: статуи, живые растения в кадках, я даже нашла чучело и едва не рухнула без сознания, нос к носу столкнувшись с ошетилившимся ведром, покрытым острыми, как копья, иголками. Я вновь ощутила вину перед лазурной птицей. Этот зверь наглядно показывал ее дальнейшую судьбу: когда она наскучит публике, а ее перья перестанут сиять, несчастное создание займет свой каменный пьедестал в одном из коридоров особняка.

Мои плечи поникли. Стараясь выбросить мрачные мысли из головы, я поплелась дальше.

Найти библиотеку оказалось несложно. Коридор оканчивался высокой двухстворчатой дверью. Не успела я открыть ее, как услышала голос Шейна:

– Об этом не может быть и речи, Лу! – сердито прорычал он.

– Шейн! – Лукреция властно обратилась к парню. – Я вижу, чего он пытается добиться, и ни за что не пойду замуж ни за Эрвора, ни за другого отпрыска Древней Крови, которого он мне подсунет. Отец давно все решил за меня, пустил этого человека в наш дом и надеется, что мы полюбим друг друга. Но я не собираюсь оставаться с Арием под одной крышей – и тем более идти с ним под венец!

Наступила тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием Шейна.

– Я покину Эллор – с твоей помощью или без нее. Но так уж вышло, что ты мне сейчас нужен, Шейн. Пожалуйста, устрой мне еще одну встречу с Маркусом, в последний раз... – голос Лукреции дрогнул от еле сдерживаемых слез и гнева, но она быстро взяла себя в руки. – Не заставляй меня напоминать о твоём долге, Шейн.

– Это не долг, а цепь, на которой ты пытаешься меня держать, – не скрывая злости, ответил Шейн. – Не так обращаются с друзьями, Лу.

Я услышала шаги, но не успела вовремя отпрянуть от двери. Она резко распахнулась, больно ударив по руке. Шейн застыл на пороге, удивленно округлив глаза. Быстро спохватившись, он крепко ухватил меня за плечо и втянул в библиотеку. Его пальцы больно сжимали кожу, а от взгляда, наполненного гневом, пробирал колючий испуг. Только стальная хватка Шейна удерживала меня на дрожащих ногах.

– Шпионишь? – процедил Шейн.

– Я... Я... Мне сказали идти в библиотеку, – запинаясь, оправдывалась я.

Шейн сильнее сжал мое плечо, и я пискнула от боли.

– И долго ты собиралась подслушивать?

От страха и чувства вины на глаза навернулись слезы. Я не знала, чего можно ожидать от рассерженного Шейна, и, испуганно втянув голову в плечи, приготовилась к худшему – удару. Но удара не последовало – вместо этого в голову словно впились десятки острых когтей, пытающихся проложить путь к моим мыслям.

– Ты действительно считаешь меня способным на такое? – раздражение в голосе Шейна улетучилось, уступив место удивлению.

Внезапно его хватка ослабла, как физическая, так и ментальная, и, воспользовавшись моментом, я отпрянула. Вперив взгляд в пол, я молчала. Обида проступала сквозь плотную завесу страха. Лучше бы Шейн ударил меня, чем лез в мои мысли.

– Вы закончили? – подала голос Лукреция.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5s8>